

УДК 32.019.15

Потенциал образов прошлого в российском политическом дискурсе XXI в.**Денисов Юрий Петрович**

Кандидат политических наук, доцент,
кафедра административного и финансового права,
Омская юридическая академия,
644099, Российская Федерация, Омск, ул. Короленко, 12;
e-mail: yurden1984@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена осмыслению потенциала образов прошлого в российском политическом дискурсе посредством анализа современной научной литературы, данных социологических исследований, нормативно-правовых актов и выступлений главы государства. В статье изучается потенциал социально значимых образов прошлого. Автор делает акцент на анализе потенциала образов наиболее масштабных событий в истории России прошлого века: воин, революционных потрясений, социальных катаклизмов, приходя к выводу о том, что наибольшим потенциалом для российского политического дискурса в этой галерее ярких образов прошлого обладает образ Великой Отечественной войны. Анализ потенциала образов прошлого проводится в статье в контексте проблемы конструирования национальной и политической идентичности граждан Российской Федерации. Автор рассматривает различные подходы к определению идентичности, сложившиеся в политической науке, и роль образов прошлого в ее формировании. В статье подвергается рефлексии дискурсивная природа коллективной идентичности и образов прошлого как одной из составных частей ее фундамента. Наряду с этим автор затрагивает некоторые проблемы и аспекты реализации потенциала образов прошлого в российском политическом дискурсе, связанные с проведением политики памяти, применением концепции «мягкой силы» и концепции стратегической культуры в управлении внешними и внутренними политическими процессами. В итоге автор приходит к выводу о том, что именно данные векторы являются наиболее перспективными для реализации потенциала образов прошлого в российском политическом дискурсе.

Для цитирования в научных исследованиях

Денисов Ю.П. Потенциал образов прошлого в российском политическом дискурсе XXI в. // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 6А. С. 20-31.

Ключевые слова

Образ прошлого, идентичность, политический дискурс, коллективная память, политика памяти, политическая коммуникация, «мягкая сила», политические процессы.

Введение

Категория «образ прошлого» на данном этапе вошла в обиход наиболее востребованных научных категорий практически всего спектра наук об обществе и о человеке. Она оказалась в самом фокусе исследовательского внимания представителей исторического, философского, политического, социологического, правового, экономического, психологического знания, занимающихся изучением сложных феноменов. К числу таких феноменов относятся политическая, гражданская, национальная и культурная идентичность, коллективная память, историческое сознание, политика памяти, культурный капитал и т.д.

Актуальность обращения к исследованию образов прошлого в современной социально-гуманитарном знании обусловлена целым комплексом факторов. Как пишет известный российский исследователь исторической памяти Л.П. Репина, «множественность идентичностей, наличие конкурентных версий исторической памяти, альтернативных воспоминаний даже об одних и тех же событиях и существование разных моделей интерпретации требуют самого пристального внимания исследователей» [Репина, 2016, 84-85].

Образы прошлого наполняют коллективную память граждан. А память о прошлом, как известно, содержит в себе эмпирический опыт и основу для действий в настоящем. Британский историк Дж. Тош заметил: «... Если отдельный человек не может существовать без памяти, то не может и общество, и это в равной мере относится и к большим технически передовым обществам» [Тош, 2000, 84-85]. По этой причине образы прошлого играют значимую роль в социально-политических реалиях настоящего.

Вместе с тем ни один значимый для социально-политической реальности образ не может функционировать вне коммуникативного контекста. Образы прошлого актуализируются в социально-политической среде настоящего только будучи дискурсивно артикулированными.

В этой связи целью данного исследования и стал анализ потенциала образов прошлого в современном российском политическом дискурсе.

Социально значимые образы прошлого в российской коллективной памяти

В первую очередь, необходимо подчеркнуть, что потенциал образов прошлого в современном политическом дискурсе не равнозначен. Это объясняется тем обстоятельством, что сама память о прошлом, по выражению Ж.Т. Тощенко, «не только актуализирована, но и избирательна - она нередко делает акценты на отдельные исторические события, игнорируя другие» [Тощенко, 2000, 12]. Наиболее глубокий отпечаток в коллективной памяти оставляют образы прошлого, сопряженные с масштабными, яркими, переломными событиями, кардинально повлиявшими на весь ход мировой истории. Образы событий, явлений, процессов, феноменов, коснувшихся большинства членов общества и каждого из них отдельно, как правило, и сохраняются в памяти большей части социума более рельефно, отчетливо, и обладают большей значимостью. По этой причине наибольшим потенциалом обладают образы войн, революций, различных катаклизмов, крупных катастроф и потрясений, великих побед и свершений.

Следует отметить, что в истории России XX в. без труда прослеживается яркая плеяда крупных, судьбоносных событий и целых исторических феноменов, которые изменили ход всей совокупности политических, экономических, социальных, культурных процессов в стране. Богатой на такие события оказалась первая половина прошлого столетия. Русско-японская

война 1904-1905 гг. и Первая русская революция 1905 г., Февральская революция 1917 г. и Октябрьская революция 1917 г., Гражданская война 1917-1922 гг., индустриализация в СССР 1929-1941 гг. и сталинские репрессии, Великая Отечественная война 1941-1945 гг. кардинально трансформировали жизнь нашего государства и общества и буквально потрясли весь мир. Перечисленные события, так или иначе, затронули судьбу каждого жителя нашей страны, перевернули экономическую конъюнктуру, изменили культурный ландшафт страны и вызвали тектонические социально-политические сдвиги. Их образы нашли отражение в целом массиве разноплановых исторических источников и сохранились в социальной памяти россиян. Логично, что именно эти образы прошлого заключают в себе высокий потенциал в современном политическом дискурсе.

Однако, если мы обратимся к результатам социологических исследований, то увидим, что не все черты даже столь значимых образов прошлого детально отпечатались в социальной памяти граждан Российской Федерации. Фрагментарность исторического сознания и избирательность социальной памяти продемонстрировали, в частности, результаты социологического опроса ВЦИОМ, направленного на оценку знаний россиян в области истории, который был приурочен к столетию революции 1917 г. В его ходе выяснилось, что лишь 11% респондентов могут продемонстрировать осведомленность о том, что большевики в октябре 1917 года свергли Временное правительство. А доли тех, кто смог назвать годы Русско-японской войны, оказались еще меньше. Лишь 9% респондентов смогло назвать 1904-1905 гг. Всего 7% опрошенных граждан припомнило годы Гражданской войны (1917-1922 гг.). [История страны, 2018, www].

Однако фиксация такого «размывания деталей» в образах прошлого и «забвения дат», на наш взгляд, не может повлечь выводы об однозначно негативном отношении россиян к прошлому, демонстрации ими «ненужности» истории, или «вытеснении истории» из информационного поля. Напротив, в ходе того же опроса 96% россиян заявили, что «историю России важно знать» [там же].

О высокой социальной значимости образов прошлого свидетельствует и их упоминаемость в средствах массовой информации. Компания «Медialogия», анализируя упоминаемость темы «История России» в российских СМИ, зафиксировала за 2017 год более 130 000 сообщений на данную тему. Существенная часть из них была сопряжена с высказываниями министра образования РФ и министра культуры РФ.

На наш взгляд, так проявляются два эффекта, на которые обратил внимание Пьер Нора, говоря о всплеске значения национальной памяти во всех сферах жизни, новой организации памяти и вхождении общества в «мемориальную эпоху» и «расцвете памяти». Во-первых, он отметил интенсификацию «использования прошлого» в политических и экономических целях. Во-вторых, он констатировал утрату монополии историка на интерпретацию прошлого и привилегии «устанавливать факты, обращаться с доказательствами, наделять истинностью», которая теперь оказывается в руках у многих участников процесса, в том числе и у средств массовой информации. [Нора, 2005]. Оба эти эффекта ведут к активизации использования потенциала образов прошлого в российском политическом дискурсе.

Стоит отметить, что образы прошлого могут нести в себе не только объединительный потенциал, но и разобщать. Например, образы прошлого, сопряженные с революционными потрясениями 1917 г., в значительной степени деконсолидируют социальную память в силу существующих в российском обществе и в российском политическом дискурсе полярных оценок революционных событий прошлого. Это подтверждается данными еще одного социологического опроса ВЦИОМ. В его ходе на вопрос о том, выражала ли Октябрьская

революция волю большинства народов, проживавших на территории Российской империи, 45% опрошенных ответили утвердительно, 43% - отрицательно. При ответе на вопрос о том, произошла ли Октябрьская революция в интересах большей части общества мнения разделились поровну: 46% дали утвердительный ответ, 46% высказали иное мнение. [Октябрьская революция 1917-2017, 2018, www].

Полярные позиции в общественном мнении свидетельствуют о том, что использование потенциала образа Октябрьской революции 1917 г. и потенциала сопряженных с ним образов двух других русских революций и Гражданской войны для консолидации российского национального и политического пространства и развития единой национальной и политической идентичности всего «русский мир» затруднено крайне амбивалентным восприятием данных образов.

Весьма сходным выглядит и восприятие современным коллективным сознанием образа сталинских репрессий. Данный образ обладает высокой узнаваемостью. Согласно данным социологических опросов ВЦИОМ, понятие «сталинские репрессии» в нашей стране знает более 90% граждан Российской Федерации, хотя и существуют определенные вариации в зависимости от уровня образования и возраста. Однако восприятие содержательной части данного образа прошлого фактически «раскалывает» россиян на две части. 43% респондентов, слышавших о репрессиях, склонно соглашаться с тем мнением, что без осуществления репрессий невозможно было сохранить порядок и провести масштабную индустриализацию в стране. Соответственно в известном смысле можно говорить о позитивном восприятии ими образа сталинских репрессий. 49% респондентов категорически осуждает репрессии, немногим больше. Они воспринимают образ сталинских репрессий однозначно отрицательно [Сталинские репрессии, 2018, www]. Из данных этого опроса явствует, что образ сталинских репрессий в значительной степени таит в себе для российского политического дискурса деконсолидирующий потенциал.

В целом отразившееся в данных социологических опросов восприятие названных событий и феноменов прошлого века обуславливает формирование различных социально значимых образов прошлого в коллективной памяти разных групп населения. Функционирование различных образов прошлого может способствовать формированию коллективной идентичности отдельных групп в рамках социума. Однако оно не способствует сплочению этих групп и укреплению единой национальной и единой политической идентичности на базе общей социальной памяти, а, следовательно, не способствует и консолидации российского политического дискурса.

Иную роль играет образ Великой Отечественной войны. О данном событии в истории нашей страны известно практически 100 % россиян. Точную дату начала Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г.) могут назвать 69% взрослых россиян. [Память о войне, 2018, www]. А 63% россиян в результате одного из опросов ВЦИОМ назвали победу в Великой Отечественной войне важнейшим историческим событием, о котором помнит каждый из нас. На втором месте по важности по результатам данного опроса оказалось произошедшее в 2014 г. присоединение к Российской Федерации Крыма – 12 %, на третьем - Великая Октябрьская революция - 8%. Полет Юрия Гагарина в космос, события 1812 г. и даты развала СССР вспомнили в ходе данного опроса лишь по 5% россиян. [Единство нации, 2018, www].

Такой «гигантский отрыв» в социальной значимости образа Великой Отечественной войны, с одной стороны, объясняется тем, что, как заметила О. Ю. Малинова память о данном историческом событии была «основательно институционализирована в предыдущие периоды». Символ Великой Победы благодаря «его интенсивному политическому использованию» и

«укорененности в массовом сознании» стал «важной узловой точкой современной российской идентичности». [Малинова, 2013, 178].

С другой стороны, особую социальную значимость данному образу придает то, что он не только репрезентируется в текстах, созданных в рамках политического, публицистического или научного дискурсов, он усваивается значительной частью социума с детства под влиянием устной традиции. Около трети наших сограждан (35%) сегодня могут вспомнить рассказы близких-участников войны [Память о войне, 2018, www]. Именно в детстве проходит важнейший этап социализации, в ходе которого человек усваивает большую часть информации об окружающем его мире, в том числе и о прошлом. Французский историк, погибший в Бухенвальде, Морис Хальбвакс писал в этой связи: «Ребенок также находится в контакте со своими дедушками и бабушками, и через них он дотрагивается до еще более отдаленного прошлого» [Хальбвакс, 2005]. По этой причине образы, которые усваиваются в детстве от представителей старшего поколения, обладают повышенной значимостью для коллективной памяти. При этом транслируются в условиях межпоколенной коммуникации те образы, которые в наибольшей степени затронули личную судьбу человека.

В этой связи мы можем заключить, что российской исторической памяти функционирует достаточно много социально значимых образов прошлого. Большинство из них, безусловно, порождено историей прошлого века, что объясняется его временной близостью и наличием большого количества переломных исторических событий в XX столетии. Вместе с тем наиболее ярко в этой галерее образов прошлого в коллективной памяти россиян высвечивается именно образ Великой Отечественной войны, который несет в себе наибольший потенциал для реализации в современном политическом дискурсе и, в частности, играет важную роль в системе национальной и политической идентичности российских граждан.

Образы прошлого, идентичность и политика памяти

Проблема идентичности, по выражению уральской исследовательницы М.А. Фадеичевой, «входит в «шорт лист» проблем современности» [Фадеичева, 2014, 221]. А известный российский политолог И.С. Семененко еще в 2015 г. отметила, что «политическое использование идентичности стало неотъемлемой частью современного властного дискурса». [Семененко, 2015, 221].

Л.А. Фадеева в свою очередь выделяет эссенциалистский и конструктивистский подходы к трактовке идентичности. Согласно эссенциалистскому подходу идентичность определяется понятиями «самость», постоянство, непрерывность, идентификация с группой, память, сингулярность, исключительность. Конструктивистский подход определяет идентичность как категорию социального и гуманитарного знания, ориентированную на выявление и описание смысловых характеристик индивидуальных и коллективных действий в контексте (само) определения принадлежности субъектов данных действий к тем или иным группам и / или сообществам и соответствующим ценностно-нормативным регуляциям. [Фадеева, 2016, 166].

Однако оба подхода предполагают, что в основе, или во всяком случае в одной из основ, идентичности лежит память, а основу коллективной идентичности в свою очередь составляет коллективная память. Образы прошлого наполняют коллективную память. Следовательно, именно образы прошлого и ложатся в фундамент, на котором зиждется идентичность, становясь его узловыми точками. Из этого следует вывод, что потенциал образов прошлого в российском политическом дискурсе во многом заключается в возможностях, формируя и корректируя образы прошлого, формировать и корректировать национальную и политическую идентичность

российских граждан, что особенно важно в процессе управления таким полиэтническим, поликонфессиональным и многоукладным государством, которым является Российская Федерация.

Вместе с тем образы прошлого дискурсивно обусловлены. Социально значимые образы прошлого не могут функционировать в коммуникативном вакууме и актуализируются лишь в дискурсивной среде. Дискурсивная обусловленность образов прошлого детерминирована в свою очередь самой природой взаимосвязи языка и памяти. «Запоминание как результат многократного употребления – это основа участия говорящего в дискурсе, а для самого дискурса функционирование в нем устойчивых коммуникативных фрагментов – основа интертекстуальности» [Ревзина, 2006, 13].

Внутри дискурса происходит и конструирование идентичности. Как заметил С. Холл «именно потому, что идентичности конструируются внутри, а не вне дискурса, мы должны понимать их как произведенные в конкретных исторических и институциональных местах в рамках конкретных дискурсивных образований и практик, с помощью конкретных формулирующих стратегий» [Hall, 1996, 4]. Данный тезис С. Холла, на наш взгляд, коррелирует с осмыслением социальной и исторической природы идентичности, которая прослеживается и у П. Бергера и Т. Лукмана [Бергер, Лукман, 1995]. Социально значимые образы прошлого в данном ракурсе, будучи артикулированными и актуализированными в политическом дискурсе, и участвуют в конструировании идентичности, становясь ее структурными элементами, и продуцируются, трансформируются, репрезентируются под воздействием национальной и политической идентичности.

В российском политическом дискурсе XXI столетия потенциал образов прошлого в значительной степени усилился в результате того, что эволюция исторического нарратива российской властвующей элиты с 2000 г. вступила в новый период, который длится и до наших дней [Малинова, 2018].

Своего рода вектор в данном процессе задал впервые избранный в марте 2000 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин. Активной апелляцией к исторической памяти и к образам прошлого характеризуется выступление В. В. Путина на церемонии вступления в должность Президента России. Слово «история» и однокоренные с ним слова употребляются в данном выступлении 7 раз. В.В. Путин акцентирует внимание на значимости «национальной памяти», обращается к «урокам истории» и акцентирует внимание на взаимосвязи между предками и потомками, между образом прошлого и образом будущего: «Мы не должны забывать ничего, мы должны знать свою историю, знать ее такой, какая она есть, извлекать из нее уроки, всегда помнить о тех, кто создал Российское государство, отстаивал его достоинство, делал его великим, мощным, могучим государством. Мы сохраним эту память, и мы сохраним эту связь времен, и все лучшее из нашей истории мы передадим потомкам» [Путин, 2018, www].

Актуализация национальной памяти в политическом дискурсе Президентом Российской Федерации в условиях феномена высокой степени персонификации власти, специфика которого состоит в персонализации политического продукта лидера как востребованного решения общественной проблемы, его восприятию как общего блага [Казаков, 2018, 60], и высокой электоральной поддержки вновь избранного главы государства [Кертман, 2018, www] задала мощный импульс реализации потенциала образов прошлого в российском политическом дискурсе. В итоге, образы прошлого в российском политическом дискурсе нового тысячелетия оказываются в фокусе целенаправленной политики памяти. А она превращается в одно из основных направлений работы государства и общественных институтов в рамках формирования

идентичности граждан [Белов, 2018, 269]. Основной задачей политики памяти, по мнению ряда исследователей, «становится форматирование отношения нации, мирового сообщества и др. к наследию прошлого за счет определенных оптик и контекстов, приоритетных для действующего политического режима или элиты» [Грибовод, Ковба, Моисеенко, 2018, 126]. Данная задача, как видится, коррелирует со стоящей перед политическим классом задачей, которую российский политолог О.В. Попова сформулировала как «задачу конструирования определенного типа политической идентичности значительных по величине социальных групп с заданной моделью поведения в публичном политическом пространстве» [Попова, 2018, 174].

Ряд экспертов констатирует наличие и серьезных проблем российской политике памяти. К таким «порокам» отечественной мемориальной политики они относят «ее конъюнктурный, изменчивый характер, наличие внутренних противоречий в содержательной стороне, игнорирование зарубежного опыта и присутствие устаревших элементов в инструментарии воздействия на целевую аудиторию» [Белов, 2018, 274]. Безусловно, недостатки и противоречия в реализации политики памяти снижают эффективность использования потенциала образов прошлого в российском политическом дискурсе.

Однако особое значение потенциалу образов прошлого в российском политическом дискурсе придает сложившаяся в 2010-е годы международная политическая конъюнктура. С одной стороны, начавшаяся еще в «нулевые годы» волна «цветных революций», последовавшая за ними «арабская весна», события на Украине, актуализация «русского вопроса» остро продемонстрировали необходимость использования политики «мягкой силы». Данная необходимость была обозначена в российском политическом дискурсе Президентом РФ [Русакова, Русаков, 2017, 63]. Сегодня в Российской Федерации она осмыслена и закреплена институционально. В утвержденной Указом Президента РФ от 30.11.2016 N 640 Концепции внешней политики Российской Федерации использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы» названа неотъемлемой составляющей международной политики [Указ, 2016, www]. В Концепции внешней политики Российской Федерации прежде всего под инструментами «мягкой силы» понимаются «возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие методы и технологии».

Сама концепция «мягкой силы» («soft power») впервые была сформулирована профессором Гарвардского университета Дж. Наем [Layne, 2010, 52]. Он ключевую роль в применении «мягкой силы» отводит языку и культуре страны. Культурная память и закрепленные в ней образы прошлого составляют важную часть культуры страны. [Nye, 2008, 52]. Репрезентация позитивных образов прошлого в процессе реализации политики «soft power» под таким углом зрения, во-первых, призвана способствовать созданию и продвижению положительного имиджа общества и государства в глазах иностранных, во-вторых, консолидировать людей, проживающих вне данного общества и государства, однако по различным причинам разделяющих сопричастность к данным образам прошлого.

С другой стороны, перманентно нарастающая напряженность во взаимоотношениях Российской Федерации и различных акторов западного политического поля, возрождающаяся риторика «холодной войны», участвовавшие эпизоды артикуляции ядерных угроз в международном политическом дискурсе возвращают нас к первоначальной трактовке стратегической культуры. Данный концепт был предложен Дж. Шнайдером в 1977 г. в контексте анализа перспектив использования ядерного оружия СССР и рассматривался как «общая сумма идей, эмоциональных реакций и привычных моделей поведения в отношении ядерной стратегии, приобретенных путем обучения или подражания, и разделяемых членами

национального стратегического сообщества». [Малинова, 2018, 76]. Именно стратегическая культура, согласно данному подходу, хотя и не определяет политический выбор однозначно, в значительной степени направляет процесс принятия и исполнения политического решения, детерминируя обстоятельства, в которых он протекает. Таким образом, стратегическая культура представляет собой мощный фактор принятия решений политическими лидерами, которые в условиях политической нестабильности вкупе с наличием мощных вооружений и высоких военно-промышленных, экономических и информационных технологий становятся все более судьбоносными для всего мира.

Безусловно, образы прошлого являются отнюдь не единственной составляющей стратегической культуры. Однако, во-первых, именно образы прошлого, будучи одной из основ идентичности в значительной степени определяют нормы и ценности, которыми руководствуются не только «рядовые граждане», но и политические элиты. А именно «ценности, являясь объектами субъективных предпочтений какого-либо способа действий, выполняют направляющую поведение субъекта функцию, определяют тип политических отношений и являются существенной характеристикой политической элиты как субъекта, рационально и активно действующего». [Митрохина, Горбачев, Соколов, 2018, 48]. Во-вторых, образы прошлого содержат в себе определенные образцы поведения, шаблоны, которые уже реализовывались в сходных ситуациях. Неслучайно представители современной институциональной экономической теории указывают на эффекты в современной экономике и управлении, которые связаны с институтами прошлого [Аузан, 2017, 6].

Данные факторы указывают на то, что потенциал образов прошлого в российском политическом дискурсе отнюдь не исчерпывается возможностями воздействия на процесс формирования идентичности граждан Российской Федерации в целом. Он может быть реализован в достаточно широком спектре системы государственного управления и управления различными политическими процессами.

Заключение

Итак, проанализировав потенциал образов прошлого в российском политическом дискурсе мы пришли к следующим выводам. В коллективной памяти граждан Российской Федерации отпечатались достаточно большое количество социально значимых образов прошлого, обладающих достаточно высоким потенциалом для реализации в российском политическом дискурсе. Их потенциал не равнозначен. В силу комплекса причин наиболее рельефно на сегодняшний день в российском политическом дискурсе высвечивается потенциал образа Великой Отечественной войны.

Реализация потенциала образов прошлого в российском политическом дискурсе тесно сопряжена с конструированием национальной и политической идентичности. Образы прошлого играют важную роль составной части фундамента, на котором и зиждется идентичность граждан Российской Федерации. При этом в силу неоднозначности исторических событий и их интерпретаций в российском политическом дискурсе целый ряд образов прошлого несет в себе не только консолидирующий заряд, но и мощный деконсолидирующий потенциал.

Образы прошлого дискурсивно детерминированы. Их потенциал актуализируется и артикулируется дискурсивной средой, раскрывается в определенно социально и исторически обусловленном коммуникативном контексте, и одновременно он реализуется в воздействии на дискурс и на коллективную идентичность.

Наиболее перспективным видится использование потенциала образов прошлого в реализации политики памяти, применении концепции «мягкой силы» и концепции «стратегической культуры» во управлении внешними и внутренними политическими процессами. Однако возможности реализации этого потенциала требуют дальнейших эмпирических и теоретических исследований.

Библиография

1. Аузан А.А. Социокультурная экономика // Наука и инновации. 2017. Т. 2. № 168. С. 4-10.
2. Белов СИ. Недостатки формирования политики памяти в России (результаты обобщения экспертных мнений) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 2. С. 269-277.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: МЕДИУМ, 1995. 323 с.
4. Грибовод Е.Г., Ковба Д.М., Моисеенко Я.Ю. Национальная политика памяти в современной России: основные тенденции и инструменты // Дискурс-Пи. 2018. Т.19. № 2. С. 123-132.
5. Единство нации: что нас объединяет? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9404>
6. История страны: ставим «отлично», в уме держим «неуд». URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116396>
7. Казаков М.А. Персонификация как тенденция современного политического лидерства: особенности проявления и восприятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1. С. 54-61.
8. Кертман Л.Г. Выбрали сердцем. URL: https://bd.fom.ru/report/cat/pres/putin_/rating_Putin/o001201
9. Малинова О.Ю. Политическое использование символа Великой Отечественной войны и конструирование российской идентичности // Прошлый век. Сборник научных трудов. М., 2013. С. 176-178.
10. Малинова О.Ю. Стратегическая культура и фреймы коллективной памяти (на примере постсоветской России) // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 1. С. 75-97.
11. Митрохина Т.Н., Горбачев М.В., Соколов А.Г. Политические проекты в дискурсивном пространстве современной российской политики. Саратов, 2018. 224 с.
12. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 40-41.
13. Октябрьская революция 1917-2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116446>
14. Память о войне: история и мифы. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9176>
15. Попова О.В. Модели идентичности политических акторов в современной России // Политическая наука. 2018. № 2. С. 173-194.
16. Путин В.В. Выступление на церемонии вступления в должность Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21399>
17. Ревзина О.Г. Память и язык // Критика и семиотика. 2006. № 10. С. 10-24.
18. Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. 2016. № 1. С. 82-99.
19. Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Дискурс-Пи. 2017. № 2. С. 22-35.
20. Семенов И.С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 91-102.
21. Сталинские репрессии: преступление или наказание? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116301>
22. Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь Мир, 2000. 638 с.
23. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3-16.
24. Указ Президента РФ от 30.11.2016 N 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».
25. Фадеева Л.А. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал // Политическая наука. 2016. № 2. С. 164-180.
26. Фадеева М.А. Развитие конгломеративной идентичности современных региональных сообществ // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования. Международная научная конференция, программа и тезисы. 2014. С. 221-223.
27. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 8-27.
28. Layne C. The unbearable lightness of soft power // Soft power and US foreign Policy. 2010. P. 51-82.
29. Nye J.S. The Powers to Lead. NY: Oxford University Press, 2008. 240 p.
30. Hall S. Introduction. Who Needs «Identity»? // Questions of cultural identity. L.: Sage, 1996. P. 1-17.

The potential of images of the past in the Russian political discourse of the XXI century

Yurii P. Denisov

PhD in Political Science, Associate Professor,
Department of Administrative and financial law,
Omsk Law Academy,
644010, 12, Korolenko st., Omsk, Russian Federation;
e-mail: yurden1984@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the understanding of the potential of images of the past in the Russian political discourse through the analysis of modern scientific literature, sociological research data, legal acts and speeches of the head of state. The article studies the potential of socially significant images of the past. The author focuses on the analysis of the potential of images of the most large-scale events in the history of Russia of the last century: the warrior, revolutionary upheavals, social cataclysms, concluding that the image of The Great Patriotic War has the greatest potential for the Russian political discourse in this gallery of vivid images of the past. The analysis of the potential of images of the past is carried out in the article in the context of the problem of construction of national and political identity of citizens of the Russian Federation. The author considers various approaches to the definition of identity in political science and the role of images of the past in its formation. The article reflects the discursive nature of collective identity and images of the past as one of the components of its Foundation. As a result, the author concludes that these vectors are the most promising for the realization of the potential of images of the past in the Russian political discourse.

For citation

Denisov Yu.P. (2018) Potentsial obrazov proshlogo v rossiiskom politicheskom diskurse XXI v. [The potential of images of the past in the Russian political discourse of the XXI century]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (6A), pp. 20-31.

Keywords

Image of the past, identity, political discourse, collective memory, politics of memory, political communication, soft power, political processes.

References

1. Auzan A.A. (2017) Sotsiokul'turnaya ekonomika [Social and Cultural Economy]. *Nauka i innovatsii* [Science and Innovations], 2, 168, pp. 4-10.
2. Belov S.I. (2018) Nedostatki formirovaniya politiki pamyati v Rossii (rezul'taty obobshcheniya ekspertnykh mnenii) [Disadvantages of the formation of a policy of memory in Russia (the results of generalization of expert opinions)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science], 20, 2, pp. 269-277.
3. Berger P., Lukman T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: MEDIUM Publ.

4. *Edinstvo natsii: chto nas ob"edinyayet?* [Unity of the nation: what unites us?]. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9404> [Accessed 12/12/2018]
5. Fadeeva L.A. (2016) Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki: issledovatel'skoe pole i kognitivnyi potentsial [Identity as a category of political science: research field and cognitive potential]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2, pp. 164-180.
6. Fadeicheva M.A. (2014) Razvitie konglomerativnoi identichnosti sovremennykh regional'nykh soobshchestv [The development of conglomerative identity of modern regional communities]. In: *Chelovek v menyayushchemsya mire. Problemy identichnosti i sotsial'noi adaptatsii v istorii i sovremennosti: metodologiya, metodika i praktiki issledovaniya. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, programma i teziy* [Man in a changing world. Problems of identity and social adaptation in history and modernity: methodology, methods and practices of research. International scientific conference, program and theses].
7. Gribovod E.G., Kovba D.M., Moiseenko Ya. Yu. (2018) Natsional'naya politika pamyati v sovremennoi Rossii: osnovnye tendentsii i instrumenty [National policy of memory in modern Russia: the main trends and tools]. *Diskurs-Pi* [Discourse-Pi], 19, 2, pp.123-132.
8. Hall S. (1996) Introduction. Who Needs «Identity»? In: *Questions of cultural identity*. London: Sage.
9. Halvaks M. (2005) Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyi zapas* [Immaculate Reserve], 2-3, pp. 8-27.
10. *Istoriya strany: stavim «otlichno», v ume derzhim «neud»* [History of the country: we put excellent, we keep in mind unsuccessful]. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116396> [Accessed 12/12/2018]
11. Kertman L.G. *Vybrali serdtsem* [The choice of heart]. Available at: https://bd.fom.ru/report/cat/pres/putin/_rating_Putin/o00120 [Accessed 12/12/2018]
12. Kazakov M.A. (2018) Personifikatsiya kak tendentsiya sovremennogo politicheskogo liderstva: osobennosti proyavleniya i vospriyatiya [Personification as a trend of modern political leadership: features of manifestation and perception]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Bulletin of Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences], 1, pp. 54-61.
13. Layne C. (2010) The unbearable lightness of soft power. In: *Soft power and US foreign Policy*.
14. Malinova O.Yu. (2013) Politicheskoe ispol'zovanie simvola Velikoi Otechestvennoi voiny i konstruirovaniye rossiiskoi identichnosti [Political use of the symbol of the Great Patriotic War and the construction of Russian identity]. In: *Proshlyi vek. Sbornik nauchnykh trudov* [The Last Century. Collection of scientific papers]. Moscow.
15. Malinova O.Yu. (2018) Strategicheskaya kul'tura i freimy kollektivnoi pamyati (na primere postsovetsoi Rossii) [Strategic culture and collective memory frames (on the example of post-Soviet Russia)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Perm University Herald. Political science], 1, pp. 75-97.
16. Mitrokhina T.N., Gorbachev M.V., Sokolov A.G. (2018) *Politicheskie proekty v diskursivnom prostranstve sovremennoi rossiiskoi politiki* [Political projects in the discursive space of modern Russian politics]. Saratov.
17. Nora P. (2005) Vsemirnoe torzhestvo pamyati [The World Triumph of Memory]. *Neprikosnovennyi zapas* [Immaculate Reserve], 2-3. S. 40-41.
18. Nye J.S. (2008) *The Powers to Lead*. NY: Oxford University Press.
19. *Oktyabr'skaya revolyutsiya 1917-2017* [The October Revolution of 1917-2017]. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116446> [Accessed 12/12/2018]
20. *Pamyat' o voine: istoriya i mify* [The memory of the war: history and myths]. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9176> [Accessed 12/12/2018]
21. Popova O.V. (2018) Modeli identichnosti politicheskikh aktorov v sovremennoi Rossii [Identity models of political actors in modern Russia]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2, pp. 173-194.
22. Putin V.V. *Vystuplenie na tseremonii vstupleniya v dolzhnost' Prezidenta Rossii* [Speech at the inauguration ceremony of the President of Russia]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21399> [Accessed 12/12/2018]
23. Repina L.P. (2016) Sobytiya i obrazy proshlogo v istoricheskoi i kul'turnoi pamyati [Events and images of the past in the historical and cultural memory]. *Novoe proshloe* [New Past], 1, pp. 82-99.
24. Revzina O.G. (2006) Pamyat' i yazyk [Memory and language]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 10, pp. 10-24.
25. Rusakova O.F., Rusakov V.M. (2017) «Myagkaya sila» kak instrument politicheskoi kommunikatsii i gumanitarnoi diplomatii [“Soft power” as an instrument of political communication and humanitarian diplomacy]. *Diskurs-Pi* [Discourse-Pi], 2, pp. 22-35.
26. Semenenko I.S. (2015) Natsiya, natsionalizm, natsional'naya identichnost': novye rakursy nauchnogo diskursa [Nation, nationalism, national identity: new perspectives of scientific discourse]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 11, pp. 91-102.
27. *Stalinskie repressii: prestuplenie ili nakazanie?* [Stalinist repression: a crime or a punishment?]. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116301> [Accessed 12/12/2018]
28. Tosh J. (2000) *Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika* [Striving for Truth. How to master the skill of the historian]. Moscow: Ves' Mir Publ.

-
29. Toshchenko Zh.T. (2000) Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat'. Analiz sovremennogo sostoyaniya [Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state]. *Novaya i noveishaya istoriya* [New and recent history], 4, pp. 3-16.
 30. *Ukaz Prezidenta RF ot 30.11.2016 N 640 «Ob utverzhdenii Kontseptsii vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii»* [Presidential Decree of 30.11.2016 N 640 “On approval of the Concept of the foreign policy of the Russian Federation”].